

Рихтер и Афанасьев

«Декабрьские вечера» в Пушкинском музее

В конце прошлого года московские меломаны разрывались на части между концертами Клаудио Аббадо, Исаака Стерна и фестивалем «Декабрьские вечера». В декабре ушедшего года самый престижный музыкальный фестиваль страны испытал на себе бремя затянувшегося на неизвестное число лет концертного межсезонья.

За двенадцатилетнюю историю фестиваля монографических программ было немного: Моцарт, Чайковский, Бах. В этом году организаторы обратились к Бетховену. Запечатленный в сознании массовой публики как возбудитель экстатического восторга пролетарского вождя, низведенный дежурными советскими музыковедами до композитора «народного революционного энтузиазма», Бетховен, как ни один другой творец, должен был пройти через чистилище непредвзятых интерпретаций и духовного переосмысления.

Организатор и патрон фестиваля – Святослав Рихтер – открыл нынешнюю программу «Декабрьских вечеров» тремя сонатами зрелого композитора – с 18-й по 20-ю; они могли служить нитью, ведущей от романтической пейзажности «Лунной» к экспрессивной ярости «Аппассионаты».

«Музыка Бетховена движет рычагами страха, трепета, скорби и пробуждает бесконечное томление, в котором заключена сущность романтизма», – вопреки мнению музыковедов, Гофман видит в композиторе брата-романтика. Бетховен Рихтера кажется даже слишком романтическим. Рихтер играет не для обывателей, а для себя в музыке. Он не стремится передать ее «бесконечное томление» вникающим: тем, кто хочет слушать такую музыку, приходится самим жадно выхватывать из его рук загадочные пассажи композитора-мизантропа.

«Темными декабрьскими вечерами в музей приходят зрители-слушатели. Для них звучит музыка Баха и Моцарта. Их окружают картины Гейнсборо и Пикассо. Делает ли их это более счастливыми?» Ответ на вопрос, который задает в юбилейном фестивальном буклете директор музея Ирина Антонова, можно прочесть в самом вопросе. Все чаще зрители-слушатели выходят из импозантного Белого зала неудовлетворенными. Порой они боятся признаться в этом самим себе, ведь многие годы «Декабрьские» были действительно местом утоления духовного голода. Ныне фестиваль стремительно несется к критическо-

му рубежу, когда музыка только «звучит», а живописные шедевры – всего лишь «окружают» зрителей. В погоне за списком модных звезд, подобно караяновскому Зальцбургу, «Вечера» превратились в несколько выхолощенное зрелище и для гурманов, которым важна превыше всего техника исполнения, и для дилетантов, которые млеют от счастья, соприкасаясь с элитарной средой

Партнерами камерных произведений Бетховена в этом году стали все офорты великого Рембрандта. Лишенные громоздкой парадности и тяжеловесности масляных полотен, как сонаты и квартеты композитора – идеологической нагруженности симфоний, офорты вобрали весь окружающий нас мир. Кажется, нет темы, которую бы Рембрандт не процарапал на металлической пластине тонкой иглой с только ему присущим ощущением трагедии. Но ни острое восприятие вселенского зла и безжалостности судьбы, ни твердая уверенность в победе человеческой души над разрушающими стихиями, которыми отличается творчество обоих титанов, не смогли заразить музыкантов – главных действующих лиц большей части фестиваля. Споры нет, они очистили могучий гений Бетховена от чешуи наслоений современными интерпретациями, отшлифовали его виртуозным мастерством – но те же музыкусы затем отлакировали звуки холодной созерцательностью и даже апатичностью, делая композитора подчас плоские и приторные «революционного буревестника» .

И все-таки под конец фестиваля чудо свершилось. Блистательный Валерий Афанасьев, писатель и интеллектуал, которого трудно даже представить на концертной эстраде в окружении других солистов, на последнем концерте смог подарить слушателям мгновения истинного счастья. Два фортепианных трио соч.1 (□ 3) и соч. 70 (□ 1), исполненных Афанасьевым вместе с опытным «бородинцем» Михаилом Копельманом и Александром Рудиным, игравшим за несколько дней до этого вместе с Дорой Шварцберг и Жераром Коссэ невнятно и неинтересно, стали подлинным украшением всего фестиваля. Единственной страницей живого текста среди томов мертвенной высокомерности, наконец -то было явлено светлое лирическое начало, которое так трудно порой распознать и у Бетховена, и у Рембрандта. Афанасьев показался мне Фаустом с одного из офортов великого голландца, нашедшим секреты человеческого бытия и обретшим мерцающий круг света с

таинственными анаграммами. Тонкая игла личности художника, увлекающего коллег и слушателей в бесконечные дали романтизма, процарапала во мраке элитарного музицирования путь для тех, кто мечтает об идеальном слиянии двух искусств.

Вадим Журавлев, «Независимая газета» 21 января 1993 года